

НИКОНОВ Вячеслав Алексеевич

депутат Государственной Думы,
декан факультета государственного управления
МГУ им. М. В. Ломоносова,
исполнительный директор правления
фонда «Русский мир»

КУДА РАСТЕТ ЗЕМЛЯ

От 3 до 3,5 миллиарда лет назад зародилась жизнь, начала формироваться биосфера. Не менее трех миллионов лет назад – скорее всего, в Африке – появился человек, к нашему времени превратившийся в хозяина планеты. Хозяина не самого рачительного и весьма жестокого. Homo Sapiens оказался едва ли не единственным видом, уничтожающим себе подобных и влияющим на окружающую среду, причем не в лучшую сторону.

ЧЕЛОВЕЧЕСТВО

40 тысяч лет назад, когда люди начали отделяться от остального животного мира, их вряд ли было больше полумиллиона. Для собирателей и охотников, сильно уязвимых для всех сюрпризов природы, – каждому из них для прокорма нужна была территория в 10-25 квадратных километров – больше места и не оставалось. В эпоху неолита – от IX до VI тысячелетия до нашей эры – произошла настоящая революция: появилось сельское хозяйство, население стало расти быстрее. Ко времени Платона и Аристотеля (IV век до нашей эры) его численность приблизилась к 200 миллионам и затем надолго застыло: человечество вступило в эпоху усиленного самоистребления, подкрепленного масштабными эпидемиями. Самой крупной считается пандемия чумы, истребившая 45 процентов европейского населения в середине XIV века. В 1000 году на всей планете жили примерно 275 миллионов человек. Примерно к 1800 году численность человечества достигла миллиардной отметки. За XX столетие население планеты почти дважды удвоилось. В 1900 году оно составляло 1,6 миллиарда человек, в 1927 году – 2 миллиарда, в 1950-м – 3.

12 октября 1999 года в Сараево родился шестимиллиардный человек – Аднан Невич. Еще через 12 лет – в ночь на 31 октября 2011 года в Калининграде на свет появился уже 7-миллиардный – Петр Алексеевич Николаев. Сегодня за сутки на Земле рождается около 219 тысяч человек.

Оснований для озабоченности и даже тревоги немало. Применительно к миру в целом мы все чаще слышим о его перенаселенности. Останется ли где жить и что есть нашим внукам и правнукам? В России, напротив, все разговоры сегодня – о «падающем» населении, а термин «депопуляция» обретает права гражданства. Но грозит ли, действительно, нашей нации вымирание?

Ответы на все эти вопросы не столь однозначны и не праздны. И, как выясняется, стары почти как мир. Уже Платон в «Республике» и «Законах» рекомендовал установить государственное регулирование уровня рождаемости, чтобы население не столкнулось с пространственными и ресурсными ограничениями. Эта проблема занимала и Аристотеля, но не с точки зрения ресурсов, а с позиции поддержания порядка в обществе, испытывающем перенаселение. Римскую империю волновали прямо противоположные проблемы: как стимулировать слишком низкий рост собственного населения в условиях, когда досаждавшие ему варвары размножались угрожающе быстро. Рим так и не справился с этим вызовом, что стало одной из причин его падения.

С распространением христианства дискуссии о демографии перешли из общественной и политической плоскости в сферу религии и морали, когда на первый план вышли вопросы девственности и брака. В конце XVIII века британский экономист и священник Томас Мальтус поднял дискуссию на новый уровень, доказывая в «Эссе о принципах населения», что население планеты (оставив в стороне эпидемии) всегда росло быстрее, чем производство продовольствия, а это грозит человечеству неизбежным перенаселением и голодом. На что позднее Карл Маркс, раскритиковав Мальтуса, ответил собственной теорией, согласно которой голод порождается не ростом населения, а неправильным распределением богатства.

Миллиардный прирост населения трудно себе даже представить. Но, давайте, попробуем. Представим, что все люди планеты собрались в одном месте, например, на острове и встали плечом к плечу. Каких размеров должен быть этот остров? Как Великобритания, или Япония, или Гренландия? Вовсе нет. Все население Земли 1950 года поместилось бы на скалистом острове Уайт у берегов Южной Англии площадью 381 квадратный километр. Для сегодняшнего человечества хватило бы Занзибара, занимающего 1554 квадратных километра, что немногим больше площади Москвы до ее расширения за границы МКАД.

Пик прироста населения пришелся на 1960 годы, когда он составлял 2 процента в год. Сегодня – вдвое меньше. К следующему рубежу в 8 миллиардов человек мы подойдем уже не через 12, а через 14 лет, а на следующий миллиард может потребоваться 18 лет. Главной причиной взрывного роста населения в XX веке стали успехи здравоохранения, прежде всего, изобретение антибиотиков и внедрение правил

гигиены. Средняя продолжительность жизни, ожидаемая при рождении, выросла на планете с 30 лет в 1900 году до 65-ти в 2000 году. Основной отличительной чертой XXI века станет снижение рождаемости. Мы это видим на примере все большего количества государств и континентов.

В демографии есть показатель, столь же неизменный, как число «пи» в математике – 2,14. Запомнить легко – «пи» минус единица. Когда средняя рождаемость на одну женщину выше, чем 2,14, население страны растет, когда ниже – сокращается. Это – уровень воспроизводства. Еще в 1970 году средний уровень рождаемости составлял 4,45, то есть, в среднестатистической мировой семье насчитывалось 4-5 детей. Сейчас этот показатель равен 2,45.

Почему это произошло? Главным фактором падения численности населения считается развитие городских обществ, городской культуры, которая предполагает качественно иной уровень жизни. Прочитую роман Виктора Пелевина «ДПП (нн)», где есть немало рассуждений на эту тему: «Во всем мире белые конsumer? христиане прекращали рожать детей, чтобы поднять уровень своей жизни. Причем от уровня жизни это не зависело, а зависело только от навязчивого стремления его поднять». Кроме того, сыграли роль такие факторы, как рост образовательного и профессионального уровня женщин, тенденция к вступлению во брак в более позднем возрасте и к более частым разводам, отсутствие в городах экономической необходимости создавать семью, тем более, большую, широкое распространение практики абортa и контрацепции. Сегодня около двух третей женщин мира применяет те или иные средства искусственного предотвращения или прерывания беременности. Хотя и без этого, как острят демографы, «урбанизация – самое лучшее средство контрацепции». Некоторую роль в сокращении или, во всяком случае, в замедлении темпов роста населения сыграли инфекционные заболевания, в частности СПИД (но это затронуло в основном неразвитые страны).

Уже более 40 процентов человечества живет сегодня в странах, где уровень рождаемости ниже уровня воспроизводства. Сюда относятся, в первую очередь, развитые страны: все государства Европы, а также Канада, Австралия и Новая Зеландия. Сейчас нет больших различий между Россией (уровень рождаемости – 1,3) и Германией (1,31), Италией (1,2), Испанией (1,25) или Японией (1,3). Несколько выше показатель рождаемости во Франции и Великобритании. В ближайшие полвека сократится численность населения всех европейских государств, за исключением Албании, Ирландии, Исландии, Люксембурга, Франции, Мальты и Норвегии. Наибольшая убыль населения по отношению к общей его численности придется на Эстонию и Болгарию, которые потеряют до 40 процентов своего населения. Население Италии через 50 лет уменьшится на 25 процентов, Соединенного Королевства Великобритании и Северной Ирландии – на 1 процент. Если верить оценкам ООН, Германия в течение ближайших 40 лет может потерять пятую часть населения – столько, по существу, живет в Восточной Германии. Таких потерь Европа не знала со времен Тридцатилетней войны XVII века.

В этом же ряду и Россия, где уровень фертильности, способности к рождению, упал ниже 2,14 еще в 1964 году и которая стремительно теряет свое место в мировой демографической иерархии. В 1913 году на долю Российской империи приходилось порядка 9 процентов мирового населения (около 170 миллионов человек), а на долю России в ее нынешних границах – чуть больше 2 процентов, и этот показатель продолжает сокращаться. В 1913 году Российская империя по численности населения уступала только Китаю и Индии. В 1950 году Россия в нынешних границах занимала четвертое место после Китая, Индии и США. А сегодня Россия – лишь девятая по численности страна мира: нас обогнали Индонезия, Бразилия, Пакистан, Нигерия, Бангладеш. Ожидается, что к 2050 году по количеству населения Россия сместится на 18-е место, и его доля в мире не будет превышать 1 процента. Нет ни одного долгосрочного прогноза, который обещал бы нам прирост населения.

Схожие тенденции наблюдаются в Китае и других странах Восточной Азии, где уровень рождаемости также сокращается. Япония вообще будет иметь самое резкое на планете падение численности населения. Китай подбирается к той точке, когда начнет срабатывать политика «одного ребенка» (там сейчас не разрешается иметь больше одного ребенка в семье). В ближайшие десятилетия – ООН считает, что к 2019 году, – рост населения Китая остановится, и оно начнет сокращаться. Как ожидается, в течение последующего полувека Китай может потерять от 20 до 30 процентов своего нынешнего населения в 1,3 миллиарда человек. Уже ниже уровня воспроизводства рождаемость в таких странах, как Сингапур, Гонконг, Тайвань, Южная Корея, Таиланд, Бразилия, Тунис и даже Иран, где еще в 1984 году на одну женщину приходилось 7 детей!

Вторая группа стран – не менее многочисленная, но более перспективная – имеет средний уровень воспроизводства – от 2,1 до 3-х. Сюда относятся большинство стран Южной и Юго-Восточной Азии, исламского мира, а также Американского континента, включая и Соединенные Штаты. По всем прогнозам, в ближайшие 100 лет США будут одной из самых быстро растущих с точки зрения демографии стран мира. А за 50 лет население Америки увеличится еще на 100 миллионов человек. Но произойдет это в значительной степени за счет иммиграции. Миграционный приток в Америку по-прежнему остается самым масштабным в мире.

Пятая часть населения планеты живет в странах с уровнем фертильности больше 3-х, в основном, в Африке южнее Сахары. Еще в середине 1970-х годов население этой части планеты не доходило и до половины европейского. В 2004 году оно превысило европейский уровень, а к 2050 году достигнет 2 миллиарда человек, тогда как в Европе – при благоприятном развитии событий – будет жить около 700 миллионов. Приблизительно половина прироста обитателей планеты – из тех 2,3 миллиардов, которые

добавятся за следующие 40 лет – придется на Африку. К лидерам мирового роста населения относятся также Монголия, Филиппины, Йемен, палестинские территории, Пакистан, Саудовская Аравия. Но быстрее всех будут расти 50 самых бедных государств мира, которые до 2050 года утратят свое население.

Что лучше: когда население увеличивается, или когда оно сокращается, или темпы его прироста замедляются? Однозначного ответа нет. В принципе, главная демографическая проблема человечества в целом – это все же не недостаток людей, а их избыток. С общепланетарной точки зрения, снижение рождаемости ниже уровня простого воспроизводства – не зло, а благо. Лишь оно способно привести не только к прекращению мирового демографического взрыва, но и к последующему постепенному, без катастроф, сокращению населения Земли до таких размеров, которые будут адекватны возможностям и природным ресурсам нашей планеты. С точки зрения увеличения текущих доходов на душу населения его сокращение может также показаться привлекательным.

Некоторые исследователи не видят в сокращении населения большой проблемы и для России. В конце концов, в Канаде тоже очень небольшое население, и оно прекрасно живет. А для страны с сырьевой экономикой, когда достаточно обслуживать добычу и перекачку энергоносителей по трубопроводам, большего населения и не нужно. Я, откровенно говоря, подобного оптимизма не разделяю. Налицо явное несоответствие между численностью населения нашей страны и размерами территории, протяженностью границ, масштабами пространств, которые нуждаются в освоении, распределением населения по регионам, неразвитостью поселенческой сети и т.д.

Страна с населением в 1 процент от мирового не сможет контролировать 13 процентов мировой территории. Самая большая в мире, богатая природными ресурсами, но слабо заселенная страна соседствует с густо населенными государствами, многие из которых сильнее ее, растут быстрее ее, имеют претензии на российские земли. Ни по внутренним экономическим, ни по внешним геополитическим соображениям убыль населения не отвечает интересам России: мы просто не сможем удержать свою территорию.

«А будет ли где жить нашим детям и внукам?». Современные демографические тенденции подталкивают скорее к положительному ответу на этот вопрос. Планета, судя по всему, выдержит и прокормит население XXI века, а значит, и XXII столетия. По прогнозам наиболее авторитетных демографов, численность человечества стабилизируется на уровне 9 миллиардов к 2050 году (потребуется остров размером с Тенерифе) и 10 миллиардов – в 2150 году.

Конечно, если мы по-прежнему были бы обществом охотников и собирателей, никаких ресурсов не хватило бы. И некоторые современные тенденции пугают. В сезон 2010-2011 годов люди потребили больше зерна, чем произвели, и цены на продовольствие выросли на 39 процентов, достигнув наивысшей точки за все время измерений и увеличив на 44 миллиона количество голодающих. Причина не только в неурожае в ряде стран, включая Россию с ее рекордной засухой. Потребление зерна в развивающихся странах (прежде всего, в Китае и Индии) за последние 30 лет выросло на 80 процентов, в развитых – на 22 процента. А потребления мяса удвоилось. При этом, на производство одного килограмма говядины уходит минимум 6 килограммов зерна и тысячи литров воды. Растущее количество потенциальной растительной пищи (в США до 40 процентов всей кукурузы) идет на изготовление этанола. Количество обрабатываемой земли подходит к некоему естественному пределу (не в России), а истощение земли и нехватка воды для полива фиксируется в растущем количестве стран.

По подсчетам Всемирного банка, для того, чтобы прокормить человечество в 2050 году, учитывая рост его численности и потребностей, выпуск продовольствия должен увеличиться на две трети по сравнению с нынешним уровнем. Много это или мало? Не так много, если учесть, что в 1970-2010 году объем мирового сельхозпроизводства вырос в 3,5 раза за счет селекции семян, применения удобрений, развития ирригации, генетики домашних животных. Если сегодня 1 миллиард человек голодает, а 2 миллиарда живут в нищете, то это объясняется не дефицитом ресурсов, а их плохим распределением, то есть, в первую очередь, низким качеством государственного управления.

Рост населения вызывает растущее опасение за среду обитания в связи с растущей эмиссией углекислого газа, изменением климата, угрозой биологическому разнообразию Земли, загрязнения мирового океана. Но следует иметь в виду, что рост произойдет в тех странах, которые отличаются самыми низкими показателями использования энергии, а значит, загрязнения. Один американец или австралиец производит 20 тонн двуокиси углерода ежегодно, а житель Африки южнее Сахары – менее 1 тонны. Поэтому, с точки зрения экологии, важен не столько рост населения как таковой, сколько та структура экономики, которая сложится в странах с быстрым ее ростом. Но сокращение темпов прироста человечества – благо для экологии.

Однако на проблему демографии можно взглянуть и с другой, прямо противоположной стороны. С точки зрения обеспечения высоких темпов экономического роста, усиления геостратегических позиций отдельных государств в мире рост населения, безусловно, предпочтителен его сокращению. Николас Эберстадт из Американского предпринимательского института подчеркивает: «Во-первых, ошутимое падение рождаемости сегодня означает замедление роста численности рабочей силы завтра. Во-вторых, низкая фертильность сегодня приведет к старению населения завтра – процесс, который приобретает реактивную скорость, если рождаемость ниже уровня воспроизводства продолжается длительное время».

Существует понятие «демографического дивиденда», который измеряется соотношением численности работающего населения и иждивенцев – детей и пенсионеров старше 65 лет. Так, именно демографическим дивидендом на треть объясняют феноменальный экономический рост Китая, где этот показатель очень низок – 38 (то есть, на 100 работающих приходится 38 иждивенцев). Да и все человечество воспользовалось демографическим дивидендом в последние десятилетия, когда этот показатель снизился с 75 в 1970 году до 52-х – в 2010-м. Чем больше количество работающих в составе населения, тем больше занятых в экономике и меньше социальных расходов, тем дешевле – из-за конкуренции на рынке труда – рабочая сила, тем больше сбережения и спрос на товары и услуги.

С 2010 до 2030 года численность рабочей силы (количество людей в возрасте от 15 до 65 лет) вырастет на 900 миллионов человек, или на 400 миллионов меньше, чем в предыдущие два тысячелетия. При этом половина роста придется на страны Африки южнее Сахары, Пакистан и Бангладеш. А почти все развитые страны-члены ОЭСР, страны Восточной Европы и СНГ, включая Россию, Китай, Япония испытают на себе абсолютное сокращение количества работающих.

Одна из самых заметных тенденций, связанных со снижением рождаемости – это старение населения, особенно, в развитых странах. Если в 1990 году продолжительность жизни в странах ОЭСР составляла 63года, то в 2000-м – уже 77лет, а в 2050-м она достигнет 83,5лет. Из-за роста продолжительности жизни и спада рождаемости доля людей старше 65лет почти удвоится: сейчас их 14 процентов, а в 2050году будет 25процентов. Если в 2000 году на 100работающих людей приходилось 38 пенсионеров, то в 2050году станет уже 70. А это совершенно другие нагрузки на экономику. Один работающий человек должен будет содержать вдвое больше пенсионеров, чем сегодня. Причем сильнее всего эту проблему ощутит такая страна, как Япония, на глазах стареющая. Будет стареть и Китай, где на 100 работающих в 2050 году придется уже не 38, а 64 иждивенца. Россию эта ситуация тоже не минует. Сейчас у нас на одного пенсионера приходится два работника. Но если существующий пенсионный возраст не будет повышен, в том же 2050году на 100работающих придется 93пенсионера. Кто и как сможет их содержать? Вывод, который делает, например, ОЭСР в своем докладе: если люди не захотят трудиться до 70лет, а работодатели не станут удерживать их, экономический рост замедлится примерно на треть.

Секретным оружием человечества в решении демографических проблем станет экономика знаний, технологические инновации и больший упор на качество человеческого капитала, что предполагает развитие образования, здравоохранения, создания условий для более продуктивного использования становящейся все более ценной рабочей силы. Образованные работники не только обеспечивают большую производительность, они и здоровее, и способны дольше приносить пользу на рабочем месте. Не сомневаюсь, что во всех развитых и становящихся развитыми странах будет и дальше повышаться пенсионный возраст и создаваться стимулы для людей работать как можно дольше.

Все более существенное воздействие на демографические процессы оказывает миграция, которая в последние десятилетия претерпела качественное изменение. Если раньше на протяжении нескольких веков иммиграция почти полностью означала переселение белых людей из Европы на другие континенты, то теперь доминирующим трендом является ускоряющаяся миграция выходцев из развивающихся стран, более половины которых оседает на территории индустриально развитых государств. Важный фактор миграции – обострение политической ситуации в ряде развивающихся стран, ведущее к революционным потрясениям, сопровождаемым исходами потоков беженцев. По оценкам Международной организации по миграции, с 2000 по 2010 год общемировая численность мигрантов возросла почти в полтора раза, достигнув 214 миллионов человек, и к 2050 году может составить уже 405 миллионов.

Из проживавших в 2010 году в США 43 миллионов международных мигрантов 53 процента составляли выходцы из стран Латинской Америки (в основном из Мексики), а еще 27 процентов – из стран Азии. Доля белого неиспаноязычного населения США в 1970 году составляла 83 процента. В случае сохранения нынешних тенденций к 2050 году она может снизиться с нынешних 66 процентов до 52 процентов, тогда как доля выходцев из стран Латинской Америки и Азии возрастет с 20 процентов (в 1970 году – 6%) до 35. Из 51 миллиона мигрантов, проживающих сегодня на территории Евросоюза, около 70 процентов составляют выходцы из стран «глобального Юга». В результате развитый мир сталкивается с вызовом эрозии его цивилизационного облика.

ЭТНОСЫ И НАЦИИ

Каждый из 7 миллиардов, живущих на Земле, входит во множество общностей – территориальных, этнических, языковых, конфессиональных, государственно-политических, культурных. Эти общности – от простого к сложному – разделяются на этносы, нации, государства и цивилизации.

Сколько на планете этносов? Точный ответ не знает никто, а неточный зависит от того, что вы имеете в виду под этим понятием. Этнос в переводе с греческого – народ. Эти два термина в русском языке долго рассматривались просто как синонимы, пока ученый-эмигрант С.М. Широкооров не ввел понятие «этнос» как научный термин, вокруг содержания которого, как водится, ведутся широкие дискуссии.

В обыденном сознании этнос нередко связан с общностью «по крови». Это, конечно не так. Трудно найти на планете человека, чьи предки на протяжении тысячелетий никогда не вступали в интимную близость с людьми других национальностей. Разумеется, исторически этносы складываются на основе племенных общностей. Однако в процессе этногенеза под влиянием особенностей хозяйственной деятельности, природных условий формируются специфические для этноса черты материальной и духовной культуры, быта, групповых психологических характеристик, общее самосознание, видное место в котором занимает представление об общности происхождения. Самоидентичность проявляется и в общем самоназвании – этнониме. Однако, единожды возникнув, этническая общность осознает себя не столько по признаку «крови», сколько по характеру культурных стереотипов, которые лежат в основе самоидентичности, в различении «своих» и «чужих». И здесь важную, часто – важнейшую роль играет то, что лежит в основе любой культуры – язык. Именно он, в первую очередь, позволяет определить «другого». Именно в нем – особенно в содержательном компоненте – выявлен кристаллизованный образ мира каждого этноса, то есть, фундамент всех других культурных стереотипов. Именно язык я бы поставил на первое место среди других признаков этноса.

Вместе с тем, существуют люди, говорящие на одном языке, но считающие себя разными этносами. Яркие примеры мы видели в последние годы на Балканах, где после распада Югославии и кровопролитных войн говорящие на сербо-хорватском языке разделились на сербов, боснийцев, хорватов. По какому признаку? Религиозному. Сербы – в основном, православные, боснийцы – мусульмане, хорваты – католики. То есть конфессиональная принадлежность может выступать одним из наиболее значимых этнообразующих факторов. В дореволюционной России в официальных документах указывалась не национальность (как в СССР), а вероисповедание: православные практически приравнивались к русским вне зависимости от исконной этнической принадлежности. В современной России крещеные татары – сознают себя как отдельный народ. А в современной Мьянме распространено выражение: «Быть бирманцем – значит быть буддистом».

Этнос может закрепляться на различных, порой, далеко отстоящих друг от друга территориях, как, например, цыгане. Этнические различия могут отражать различия в хозяйственной или профессиональной деятельности. Так, кочевые оленные коряки-чавчувены и оседлые коряки-нымыланы – разные народы. В XIX веке на Балканах, переходя от занятия сельским хозяйством к торговле, человек превращался из болгарина в грека, причем языковой фактор не служил этому препятствием, ибо люди хорошо владели обоими языками. Даже практически потеряв родной язык, этнос может существовать на основе традиции, как шотландцы или валлийцы. Раса тоже имеет значение: многие выделяют, например, в качестве отдельного этноса афро-американцев. При этом представители одного этноса могут принадлежать как к одной, так и к разным расам (или расовым типам) и, наоборот, представители одной расы могут принадлежать к разным этносам.

Я не склонен проводить в современном русском языке различие между народом и этносом. Вот что пишет наиболее признанный авторитет в этом вопросе – директор Института этнологии и антропологии РАН академик Валерий Тишков: «Народ» в смысле этнической общности – группа людей, члены которой имеют одно или несколько общих названий и общие элементы культуры, обладают мифом (версией) об общем происхождении и тем самым обладают как бы общей исторической памятью, могут ассоциировать себя с особой географической территорией, а также демонстрировать чувство групповой солидарности».

Итак, этнос – это совокупность людей, которая сложилась историческим путем, говорит на одном языке и обладает устойчивым сочетанием национальных свойств, общностью культуры, быта, традиций, обычаев, самосознания. Этносы подвержены изменениям – консолидации, ассимиляции и т.п. Для более устойчивого существования они стремятся к созданию своей государственности. Однако история предлагает множество примеров того, как различные этносы, даже многочисленные, так и не смогли решить задачу социально-территориальной организации. Более того, подавляющее большинство этносов даже не приблизилось в государственной самоорганизации.

Так сколько же этносов на планете? Если их главным отличительным признаком выступает язык, то народов должно быть примерно столько же, сколько и языков. Точное их число установить невозможно, поскольку не всегда возможно провести грань между языком и диалектом. По оценкам, сейчас на Земле говорят на 5-6 тысячах языков. При этом 80 процентов населения планеты знает лишь 80 языков, а на 0,2 процента жителей Земли приходится 3,5 тысячи языков. Больше всего говорят (в миллионах человек) на:

- китайском – 1223;
- английском – 470;
- хинди – 418;
- испанском – 372,
- русском – 288;
- бенгальском – 235;

- арабском – 235;
- португальском – 182;
- японском – 125;
- французском – 124;
- немецком – 121.

Но если мы посмотрим на число носителей того или иного языка *как родного*, то здесь картина будет другая:

- китайский – 1213 млн;
- испанский – 329 млн;
- английский – 328 млн;
- арабский – 221 млн. (официальный язык в 57 странах) ;
- хинди – 182 млн;
- бенгали – 181 млн. (официальный язык в Бангладеш);
- португальский – 178 млн;
- русский – 144 млн;
- японский – 125 млн;
- немецкий – 110 млн.

А что будет с языками малых этносов? В нашем веке, как ожидается, исчезнет до 70 процентов из существующих языков. Каждые две недели один язык становится мертвым. То есть в год умирают 24 языка, и так будет продолжаться дальше. Для того чтобы язык сохранялся, количество его носителей должно превышать 100 тысяч. Сегодня исчезающими считаются 400 языков. Главные виновники этого явления – миграция в города и английский язык. Ближе всех к исчезновению языки индейцев Северной Америки и аборигенов Австралии. Та же опасность грозит языкам малых народов Российской Федерации. Но здесь причина не в английском, а в великом и могучем. Уже на наших глазах исчезли нганасанский, юкагирский, керекский языки.

Если количество этносов тает, то число наций растет.

Понятие нация (от лат. nation – племя, народ) в научной литературе имеет две основные трактовки.

1. Как *этнонации* – этнической общности с единым языком и самосознанием. Этнонацией со времен породившего эту концепцию австро-марксизма XIX века принято называть этнос, перешедший на национальную ступень развития, что подразумевает помимо общей культуры, антропологических черт и генетического единства наличие своего государства, гражданства, политических институтов. Именно такая трактовка нации – как этнической общности – утвердилась и в нашей стране с легкой руки прилежных учеников австро-марксистов Владимира Ленина и Иосифа Сталина. Отсюда определение императорской России как тюрмы народов, признание статуса наций за крупными этносами – русскими, украинцами, казаками – и теоретическая установка на право наций на самоопределение. И до сих пор в российском сознании, да и во многих государственно-правовых документах понятие нации все еще имеет отчетливую этническую окраску – один язык, одна религия, одна психология и т.д. К современным теориям национальной политики и к современному миру подобная трактовка не имеет отношения.

2. Как *политической нации* – сообщества граждан определенного государства, устойчиво, осознанно и единообразно позиционирующееся в пространстве и времени и ассоциирующее себя с определенной территорией и историей. Именно такая трактовка закреплена в международном праве, где нация является синонимом государства, и общепризнана в большинстве стран мира. У нас такая трактовка тоже начинает пробивать дорогу. «Понятие "нация"... по сути подразумевает народ в смысле государственного территориального сообщества, - пишет Тишков. - Связь понятий *нация* и *государство* отражена в сложной категории "нация-государство" (nation-state). Это есть общепризнанное обозначение

всех суверенных государств мира, входящих в Организацию Объединенных наций и считающих себя государствами-нациями».

Если этносы существовали на протяжении всего исторического времени, то нации формируются только в период нового и даже новейшего времени. До этого людям даже не приходило в голову, что этничность должна совпадать с государственностью. Эта идея возникла в Европе XVIII века и получила название национализма. Идеология эта в одном из своих аспектов заключается в обособлении и вычленении отдельной нации из общего числа этносов, проживавших до ее возникновения на определенной территории. После обособления нации парадигма национализма начинает работать на становление, защиту и укрепление своей нации и ее государственности.

Первыми современными нациями, по утверждению классика изучения национализма Бенедикта Андерсона, были латиноамериканские, сформировавшиеся в ходе борьбы против испанской короны, за которыми с небольшим отрывом последовали США и затем Франция. Впервые понятие нация в его политическом значении появилось именно в ходе Великой французской революции, когда возникла необходимость сформировать некую общность взамен утраченного «подданства французской короны». В 1800-е годы возник немецкий национализм, затем последовали национализмы Греции и скандинавских стран (1810-1820-е годы), итальянский национализм (1830-е годы). В 1850-1900-х годах национализм распространился на страны Восточной Европы и в Индию, а в начале XX века — в страны Азии и Африки. Там нации формировались в ходе борьбы за независимость и особенно после ее завоевания на причудливо выкраенных в результате колониальных разделов территориях из различных по языку, культуре, уровню жизни племен и народностей. И, конечно, образование наций не является универсальной стадией развития всех народов мира. Почти все малочисленные народы оказались в составе крупных наций.

При этом полиэтничный состав населения вовсе не служит непреодолимым препятствием для формирования гражданской нации и создания нации-государства. Напротив, этнически однородные нации крайне редки и встречаются в основном в отдаленных и изолированных углах мира (например, в Исландии). Обычно нация строится на базе большого количества этносов, которых свела вместе историческая судьба. Латиноамериканские нации расово неоднородны — состоят из белых, креолов и индейцев. Считается общепризнанным, что еще в XIX веке Великобритания, Франция, Германия, даже Испания, уже были нациями-государствами, хотя все они при этом оставались глобальными империями, имели крайне неоднородное в этноконфессиональном плане население и внутренние колонии. Не следует забывать Северную Ирландию и Шотландию в составе Великобритании, Бретань и Корсику в составе Франции, Лоскутную империю, созданную Бисмарком, Кастилию, Каталонию, Страну Басков в Испании. Многоэтничность и поликонфессиональность — абсолютная норма для современных национальных государств.

По многообразию этнических, религиозных, расовых групп многие страны далеко оставляют позади и дореволюционную, и, тем более, современную Россию с ее 135 народами (которых по последней переписи неожиданно стало 180). Вот как, по данным ООН, выглядит количество этнических групп в некоторых странах современного мира: Китай — 205, Камерун — 279, Индия — 407, Нигерия — 470, Индонезия — 712, Папуа — Новая Гвинея — 817. Все они являются безусловными нациями-государствами. Почему же в России не так? Живуч этнонационализм.

Следует признать, что до сих пор не удалось предложить убедительной и привлекательной концепции «российскости», не сводимой ни к этническому, ни к имперскому государству, ни к «новой исторической общности». Один из самых существенных факторов слабости и развала Российской империи, Советского Союза, а также проблем современной России — неспособность создать единую гражданскую нацию, что давно удалось другим крупным государствам. Идея *российской нации* абсолютно продуктивна, и ее не нужно стесняться. Основания говорить о российской нации были уже столетие назад. Эту идею активно проповедовали Петр Бернгардович Струве и его сторонники: «Нация — это духовное единство, создаваемое и поддерживаемое общностью культуры, духовного содержания, завещанного прошлым, живого в настоящем и в нем творимого для будущего». Идея российской нации способна серьезно укрепить Российскую Федерацию как государство и заполнить разруху и идейный вакуум, которые наблюдаются в головах представителей многих национальностей.

ГОСУДАРСТВО

Сколько на Земле наций? Если трактовать их как политические нации, то количество примерно совпадет с числом государств. Государство и выступает основной формой общественно-политического существования человечества.

В тех регионах земного шара, где существовали центры заселения с наибольшей плотностью населения, возникали условия как для концентрации усилий избыточного населения, организации его общежития, так и для столкновений, в том числе, с соседними племенами. Точное время возникновения первых государств неизвестно — любая датировка событий, произошедших до II тысячелетия до нашей эры (а государство возникло раньше), носит исключительно условный характер. С местом — большая определенность, хотя тоже не полная. Государства образовались на основе племенных протогосударств (вождеств, chiefdoms) в городских культурах, развившихся в долинах великих рек. И первыми из них были государства Шумера в междуречье Тигра и Евфрата, где, похоже, впервые возникли царская власть

(в том числе, наследственная), бюрократия и письменность, а также Египта в долине Нила. За ними последовали государства у руслу Инда в Индии и Хуанхэ – в Китае.

Государства в современном смысле (или, по крайней мере, современная концепция государства) ведут отсчет с середины XVII века, когда после протестантской реформации и кровопролитной Тридцатилетней войны ведущие европейские державы в Вестфалии постарались выработать новые правила взаимодействия и собственной легитимации, которые не зависели бы от воли Священного престола. Итогом стала государственно-центристская модель, в фундаменте которой лежал принцип суверенитета: государство является источником высшей политической власти, осуществляемой в полной мере в пределах собственной территории, самостоятельно проводит внешнюю политику и уважает право других государств действовать таким же образом. С тех пор государство стало центром, исходной единицей для формирования мировой системы, выработки соответствующих политических и правовых норм. Доктрина высших государственных интересов, первоначально предложенная кардиналом Ришелье, превратилась в ведущий принцип европейского устройства и дипломатии.

XIX век принес создание ведущими европейскими государствами империй, под которыми современные авторы, чаще всего, понимают «отношение, формальное или неформальное, в котором государство контролирует действенный политический суверенитет другого политического сообщества»; «сложносоставное политическое сообщество, инкорпорировавшее малые политические единицы»; «составное государство, в котором метрополия господствует над периферией в ущерб интересам последней». Мир начала XX века состоял почти полностью из империй и колоний. Исключения из крупных стран составляли, возможно, лишь Соединенные Штаты, только закончивавшие зачистку и освоение американского континента и переходившие к экспансии в Западном полушарии, а также далеко не суверенный и поделенный на сферы влияния Китай и начавшая реализовывать собственную колониальную политику Япония. Глобальные империи – Британскую, Французскую, Испанскую, Португальскую, Бельгийскую – отличало наличие «большой воды» между метрополией и периферией. Россия, как и государства Габсбургов, Гогенцоллернов и Османов, принадлежала к числу континентальных империй, представлявших собой макросистему с весьма сложными пограничными, этническими, религиозными противоречиями между ними.

Начало распада империй после Первой и, особенно, после Второй мировой войны, а также усиливавшаяся глобализация, которая делала все более условными государственные границы и способствовала подъему национального самосознания во всех уголках планеты, вызвали нарастающую тенденцию к увеличению числа независимых государств. Причем понятие суверенного государства становилось все более размытым, что не позволяет установить даже их точное число. Действительно, кто знает, сколько государств на планете?

В 1920 году треть планеты состояла из колоний, 65 стран обладали самостоятельностью (кстати, только в пяти из них проводились выборы). При создании ООН в 1945 году в ней было представлено 51 государство. Сегодня их – 192. Причем, очень существенный вклад в процесс мультипликации количества государств внес распад СССР, добавивший сразу 14 новых стран-членов ООН. Однако в мире растет и число так называемых непризнанных государств. То есть таких, которые обладают фактическим суверенитетом, но этот суверенитет не признан ни одним другим государством (как Приднестровье), признан небольшим количеством стран (Абхазия, Южная Осетия). Или признан даже большим количеством стран, но недостаточным для обретения статуса члена Организации Объединенных наций (Косово или Палестина). Если учесть непризнанные страны, то общее количество государств на планете превысит 250. А есть еще регионы, которые фактическим суверенитетом не обладают, но активно на него претендуют (например, Баскония в Испании, Шотландия или Северная Ирландия в Великобритании и т.д.), что создает потенциал для создания новых независимых государств. По некоторым оценкам, через полвека на Земле будет существовать до 500 государств. Из двух основополагающих принципов, закрепленных в международном праве – территориальной целостности и права наций на самоопределение – верх все больше берет второй. Национальные меньшинства все решительнее заявляют о своем праве на самоопределение. «Государственные границы, особенно в Азии и Африке, часто представляют собой имперское наследие и не совпадают с этническими и лингвистическими границами, – пишет Збигнев Бжезинский. – Эти границы становятся ненадежными перед напором растущего политического сознания, которое ведет к более настойчивым территориальным притязаниям». Крупные многонациональные государства, включая Россию, сталкиваются и будут сталкиваться с растущей проблемой сепаратизма.

Процессы, идущие в современном мире, среди которых на первое место – с точки зрения перспектив государства – следует поставить глобализацию, заставляют многих аналитиков говорить о растущем ослаблении роли государства, а многие уже вообще хоронят Вестфальскую систему. И некоторые основания для подобных выводов имеются.

Растущее число негосударственных субъектов экономики и политики берет на себя ряд функций, ранее выполнявшихся государством. Дневной оборот денег, пересекающих национальные границы, во много раз превышает годовой размер ВВП подавляющего большинства стран мира. Экономическая мощь транснациональных корпораций превышает возможности правительств среднеразвитых стран. Хозяйственная политика отдельных государств перестает быть суверенной, находясь под усиливающимся воздействием ситуации на мировом рынке.

С государством все активнее соревнуются национальные и международные неправительственные организации – религиозные, правозащитные, экологические, благотворительные и иные. Они оказывают растущее влияние на общественное мнение, формирование политики, выработку законов, сами выполняют функции социальной защиты и даже принимают участие в деятельности комитетов и комиссий ООН. Гринпис оказывает на экологическую политику большее влияние, чем большинство суверенных стран.

Глобальная система коммуникаций маргинализирует роль государства на информационном поле, делает практически невозможным или крайне затруднительным правительственный контроль потоков информации. Государство в принятии решений все чаще полагается на экспертизу частного бизнеса и неправительственных организаций, располагающих по ряду вопросов большей информацией, чем госструктуры.

С возникновением других влиятельных институтов государство фактически утрачивает свою многотысячелетнюю монополию на реализацию властных функций. Если не юридически, то де-факто происходит эрозия внутреннего суверенитета отдельных государств, их способность по собственному разумению формировать свои общества и решать внутренние проблемы ослабевает. Появились и получают все большее распространение концепции «гуманитарных интервенций» или «права на защиту» преимущественно, поддерживаемые западными странами. Эти концепции предполагают право международного сообщества на вмешательство во внутренние дела государств, если в них нарушаются фундаментальные права человека, поддерживается международный терроризм. Примеры таких интервенций мы видели в Югославии, Афганистане, Ливии.

Но все же, по моему убеждению, утрата государством монополии на власть не означает умаление его роли. Национальное государство даже с учетом глобализации сохраняет свои центральные позиции, но оно во многом вынуждено сейчас формулировать свою роль заново и отстаивать ее в усиливающейся конкуренции с международными субъектами гражданского общества и экономической жизни, межгосударственными организациями, в том числе, ведя с ними активный диалог. У государства всегда будет преимущество (или монополия) в решении таких задач, как обеспечение порядка и обороноспособности, предоставление социальных услуг, регулирование рынка, поддержание транспортной инфраструктуры, контроль добычи природных ресурсов, регулирование миграции, решение внутренних этнических проблем и других.

Стратегия правительств различных стран в связи с глобализацией неодинакова. Те из них, кто рассматривает глобализацию как угрозу, демонстрируют защитную реакцию: вводят меры экономического протекционизма, отгораживаются от иммиграции, пытаются ограничить глобальные транзакции национальным законодательством. Подобная политика, уверен, в перспективе грозит огромными издержками, связанными с уменьшением благосостояния, растущим экономическим и технологическим отставанием. Наиболее динамичные государства, напротив, уже выступают в качестве игроков в глобальном состязании за конкурентоспособность, экономическую и инвестиционную привлекательность. В этом соревновании правительства нередко прибегают к агрессивной внешнеэкономической политике, дерегулированию, субсидированию экспорта, что также вызывает немалые перекосы. Дерегулирование ведет к снижению дееспособности государства, субсидии оборачиваются нерациональным распределением бюджетных ресурсов. Ни изоляционизм, ни наступательный интервенционизм сами по себе не предполагают рассчитанного на перспективу ответа на вызовы глобализации. Многообещающим оказывается более активное участие государств в процессах региональной интеграции и в развитии глобальных политических сетей.

Государства, хотя бы они того или нет, все активнее втягиваются в решение глобальных проблем. Более того, разрешение многих этих проблем возможно более эффективно (или только) на уровне национальных государств, а не международных организаций. Здесь в первую очередь следует назвать также проблемы всемирного масштаба как изменение климата, озоновые дыры, наступление пустынь, выбросы углекислого газа, экология, преступность, эпидемии, бедность. Именно государства и в перспективе будут заниматься многими глобальными феноменами, например, решением задач неуправляемости мегаполисов или нарастания обособленности, отчуждения индивидуума от общества. Именно государствам предстоит решать проблемы гармонизации системной конкуренции стран, создания архитектуры глобального управления.

Государства сами меняются или должны изменяться, чтобы не потерять конкурентоспособность. Последствия глобализации и их преодоление можно осилить только в рамках дисциплинированно проводящейся государственной политики в различных областях, повышения эффективности всего управления. Критическое значение приобретают усиление финансовой и банковской системы и установление над ней действенного контроля, эффективно функционирующая система правосудия, чистота самого правительства, отсутствие коррупции.

Окончание следует

Источник:

http://sr.fondedin.ru/new/fullnews.php?subaction=showfull&id=1335268851&archive=1335269613&start_from=&ucat=14&

